

Исанов А.И.
аспирант,
Российский государственный
гуманитарный университет,
г. Москва, Российская Федерация

О необходимости различения сфер частного и публичного в критике деонтологического субъекта

Во время споров о теории справедливости Джона Ролза, одним из ярчайших критиков был и остается коммунитарист Майкл Сэндел.

По его мнению, концепция либерализма предложенная Ролзом могла бы быть названа деонтологической, таким образом четче указывая на связь между теорией справедливости и моральной философией Иммануила Канта.

Деонтологический либерализм, помимо требования, что справедливость должна быть ценна сама по себе, без привязки к каким-либо целям или чьим-либо интересам, требует существования деонтологического субъекта, и, несмотря на обилие критического материала, порожденного либеральной дискуссией 1970-1980-х годов, деонтологический субъект остается основной претензией к теории справедливости. Деонтологический субъект уличался в своей несостоятельности, в качестве ключевого компонента, на почве реальности – если невозможен ключевой элемент концепции, невольно возникает вопрос о ее общей ценности и правомерности.

Попытки преодолеть это препятствие предпринимались многими, в том числе Юргеном Хабермасом и Никласом Луманом, которые заменяли «субъекта» понятиями «коммуникации» и «системы», соответственно.

Сэндел называет деонтологическим такой субъект, который может сформулировать сам свои предпочтения и ценности, ограничения и возможности. Деонтологический субъект обладает волей подчинить себе свои желания и инстинкты. Уже одного этого определения достаточно, чтобы уловить сходство с кантовским моральным сознанием и автономией воли.

Главная претензия Сэндела к Ролзу заключается в нереальности деонтологического субъекта. Деонтологический субъект ставится во главе своих предпочтений. Но тогда субъект лишен таких качеств, как характер и способность к рефлексии и дружбе: «Которые зависят от нашей возможности иметь определяющие нас планы и приверженности»¹.

Иными словами, деонтологический субъект невозможен в силу того, что человек всегда, по мнению Сэндела, опосредован своими предпочтениями. Эта опосредованность проявляется уже в том, что, выделяя себя в качестве индивида из толпы, человек делает определенный выбор, т.е. определяет себя через свои предпочтения.

Таким образом, казалось бы, с проблемой деонтологического субъекта ничего не поделать, если бы не одно «но». Для этого нам необходимо обратиться к Канту, а именно к его статьям «Ответ на вопрос: «Что такое Просвещение?» (1784) и «О поговорке «Может быть это и верно в теории, но не годится для практики» (1793).

В статье «Ответ на вопрос...» Кант проводит различие между частным и публичным применением разума: «Под публичным же применением собственного разума я понимаю такое, которое осуществляется кем-то как ученым, перед всей читающей публикой. Частным применением разума я называю такое, которое осуществляется человеком на доверенном ему гражданском посту или службе»².

Это же различие мы можем найти в статье «О поговорке...», где Кант разделяет отношения практики с моралью вообще (справедливую для каждого индивида) и в государственном плане. В главе о соотношении морали вообще с практикой Кант говорит о том, что, конечно же, наивно предполагать существование такого независимого от своих предпочтений субъекта, однако (ровно как и у Ролза) для того, чтобы обеспечить приоритет морального закона над склонностями и таким образом суметь привести общество к неонтологизированным основаниям – справедливость, общее благо – субъект должен «со всей ясностью сознавать, что он обязан исполнять свой долг бескорыстно и должен полностью обособлять свое стремление к счастью от понятия долга, чтобы иметь его совершенно чистым»³.

Таким образом, было бы необоснованным шагом считать деонтологический субъект в теории справедливости простым объектом мысленного эксперимента и сомневаться в его полезности для практики.

В то же время, в рамках публичной сферы (которой у Канта являются, в первую очередь, дела государства) это «самовнушение» о приоритете долга над склонностью носит более определяющий характер, являясь основой равенства возможностей и впоследствии этот момент был прекрасно описан Исайей Берлином в работе «Две концепции свободы». Объединение на основе справедливости в рамках теории справедливости Ролза как раз тот самый ход, который описан Кантом: «...До того, как появляется всеобщая воля, народ не имеет никакого права принуждения по отношению к своему повелителю (что справедливо и для любого члена общества – прим. А.И.) потому что только через него народ и может по праву принуждать»⁴. Иными словами, мы можем говорить о деонтологическом субъекте лишь в рамках публичной сферы, где есть отношения принуждение-повиновение и общее-частное.

Это различие частного и публичного чаще всего опускается в критике теории справедливости, что, на мой взгляд, следует рассматривать как серьезное упущение. Возможные причины этого кроются в самой фигуре деонтологического субъекта – при определенном ракурсе он может показаться аналогом ницшеанского Сверхчеловека, что не играет на руку теории справедливости.

Критики теории справедливости, не производя этой крайне важной операции – различения частной и публичной сфер, совершают одну, на мой взгляд, ошибку - заведомо понятная неосуществимость деонтологического субъекта в частной сфере переносится в сферу публичного. В итоге, глубоко укореняется мнение, что деонтологический субъект невозможен совершенно.

Но стоит лишь ввести данное различие в понимание теории справедливости, как появляются достаточные условия, чтобы предполагать скорее не невозможность деонтологического субъекта, но напротив, его определенную реальность. И это будет следствием безоговорочного принятия в современном мире либеральных ценностей. Выходя в публичное пространство, любой субъект права вынужден обращаться к таким *деонтологизирующим* ценностям, как справедливость или долг. Это обращение не может оставаться внесистемным: что бы ни пытался сделать индивид – отстоять свою позицию или доказать несостоятельность чужой – в любом случае эти ценности включаются в основание его тактики публичного поведения, а потому становятся определяющими основаниями, иначе он рискует не добиться желаемого. И неизбежно обращаясь к справедливости, к всеобщей пользе и понятию «общего блага», субъект права, возможно, становится или хотя бы начинает обладать частично чертами деонтологического.

По сути, неважно, становится субъект права деонтологическим или нет – это играет роль лишь в мысленном эксперименте Ролза. Но что точно нельзя обойти, не отметив или не поправив, так это то, что, не различая публичное и частное в критике деонтологического субъекта, мы рискуем не заметить возможные выходы и решения проблем либерализма.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Либерализм и пределы справедливости// Современный либерализм – М.: Дом интеллектуальной книги, Прогресс-Традиция. С. 216.
2. Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Том 6. – М., 1966. С. 28.
3. Иммануил Кант. Сочинения в шести томах. Том 4, часть 2. –М., 1965., С. 72.
4. Там же. С. 93.